

В.В.ГОЛУБЕВ

Материалы о первом заведующем кафедрой аэромеханики (ныне называемой кафедрой аэромеханики и газовой динамики) механико-математического факультета МГУ, декане нашего факультета (в 1933-1935 и в 1944-1952 годы), члене-корреспонденте АН СССР Владимире Васильевиче Голубеве (3.12.1884 – 4.12.1954) мне передал для публикации Владимир Николаевич Чубариков. Ниже приводятся содержащиеся в них «странички из дневника» Владимира Васильевича (относящиеся к 1942 году) с мировоззренческими размышлениями о прожитой жизни (под названием «Итоги. Завещание»), а также написанное им (в том же году) «эссе» о жизни знаменитого французского математика Эвариста Галуа.

ВОСПОМИНАНИЯ. ТЕТРАДЬ ОМЕГА (Свердловск, 1942 г., июнь, июль)

«Господи! Избери не меня, а другого – моего брата; я слишком ничтожен, я человек, не умеющий складно говорить».

Пророки.

«Презирай только разум и науку, поддайся только ослеплению и волшебным чарам, навводимым на тебя духом лжи, и он всецело овладеет тобой».

Слова Мефистофеля. Фауст. Гёте.

«Шеллингу дали жалованье, какого не получал ещё ни один прусский университетский профессор – говорят, что оно было почти так же велико, как жалованье первой танцовщицы в балете».

Г. Брандес «Молодая Германия».
(примеч. Д.: Георг Брандес (1842-1927), датский литературовед и публицист)

ИТОГИ. ЗАВЕЩАНИЕ

На многих предыдущих страницах воспоминаний я пытался изобразить всю историю своей жизни. Пытался правдиво изобразить мои победы и поражения, подъемы и провалы.

Когда-то Жан-Жак Руссо в предисловии к своим «Les Confessions» с присущим ему пафосом говорил, что он в своей «Исповеди» изобразил себя самого так правильно и точно, что когда вострубит последняя труба, и он явится на последний суд, он скажет Высшему Судии, подавая книгу: вот каким я был, суди меня по ней!

Как известно, такая задача не была удовлетворительно решена Руссо. Вероятно, так же неудовлетворительно она решена и мною. Каждый человек есть дитя своего века, своей среды и свойственных ей предрассудков, а потому даже при полной его искренности и желании правды его освещение людей и фактов оказывается односторонним, в особенности фактов, его непосредственно касающихся. А ведь сверх всего этого к себе самому человек всегда пристрастен вольно или невольно, ибо «никто же плоть свою возненавиде, но питает и греет ее» (примеч. Д.: здесь приводятся слова из Послания к ефесянам Святого апостола Павла в Евангелии). Мы подведём теперь итоги этой жизни одного человека, одного из миллионов человеческих существ, живших в общем без бурных потрясений, без катастроф, без ярко выраженных порывов страсти жизнью кабинетного и в основном домашнего человека, не игравших большой роли при жизни и быстро забываемых после смерти ...

Один из основных вопросов, с которым встречается всякий, кто живет не чисто растительной жизнью, а кто задумывается о мире и о своей в нем роли, - это вопрос о смысле и цели жизни. В одном из рассказов Бернарда Шоу автор говорит, что достоин вечного проклятия всякий, кто видя окружающее его, не поставит хоть раз в жизни вопрос: а что же, чёрт возьми, всё это значит?

В дни моей юности, когда такие вопросы встают особенно ясно и четко, на меня произвела большое впечатление статья К.А.Тимирязева «Антиметафизика». В ней излагались, если не ошибаюсь, идеи физика Больцмана. Суть их сводилась к тому, что привычка человеческой мысли, выработанная в применении к действиям человека, приводит его к постановке вопросов, которые в применении к частным деяниям имеют вполне четкий и ясный смысл, но которые в применении к совокупности деяний или к вещам, отличным от непосредственной деятельности человека, не имеют никакого смысла, а потому и не могут получить сколь-нибудь удовлетворительного ответа, хотя, по автоматически выработанной привычке рассуждать, имеют, на первый взгляд, совершенно ясное и четкое содержание. Таковыми с точки зрения Больцмана являются вопросы о цели и смысле жизни. Действительно, когда человек идет в столовую, чтобы обедать, или в кабинет, чтобы писать воспоминания, то он имеет вполне определенную цель, а его поступки – вполне определенный смысл. Но то, что верно в применении к отдельным частям, может оказаться совершенно неверным в приложении к целому. С этой точки зрения ставить вопрос о цели и смысле всей человеческой жизни, состоящей из цепи поступков, каждый из которых имеет смысл и цель, также бессмысленно, как ставить, скажем, вопрос: четная или нечетная совокупность всех целых чисел, из которых каждое в отдельности либо четное, либо нечетное. Бессмысленно ставить вопросы, зачем Америка отделена от Европы океаном или зачем на Урале есть мрамор. Здесь можно ставить вопрос «зачем», а не «почему», а тогда и вся проблема приобретает смысл и может иметь разумный ответ.

Например, теория Вегенера объясняет образование Атлантического океана тем, что в геологически дальние времена Америка оторвалась от основного «праматерика» (примеч. Д.: немецкий геолог и метеоролог Альфред Лотар Вегенер (1880-1930) был создателем теории дрейфа материков). Точно также геологи дадут если не теперь, то после, ответ на вопрос, почему Урал состоит из таких-то пород.

На меня эти рассуждения произвели в свое время очень сильное впечатление. Помню в 1919 году в Саратове был диспут на тему о значении науки или что-то в этом роде, где я убедительно выступал с проповедью этой точки зрения. Выступал я тогда с очень большим успехом, но и в полном одиночестве, что очень характерно: идеи убедительны, возразить по существу нечего, но не лежит к ним сердце!

Развитые здесь идеи и сейчас кажутся мне совершенно правильными. Я считаю, что ставить вопрос о цели и смысле человеческой жизни или смысле и цели всего человечества, мог бы ставить только Творец мира. Для нашего человеческого сознания эта точка зрения совершенно не доступна: она не соответствует природе нашей мысли, а потому не может привести ни к чему, кроме противоречий, тумана и путаницы. Не надо забывать, что наша мысль есть продукт нашего физиологического развития, а не зажегшаяся искра высшего, духовного света.

Но дело не в этом. Я много раз по разным поводам развивал идеи Больцмана и почти всегда встречал полное несогласие с ними. Объясняется это, мне кажется, вот чем: когда ставится вопрос о цели и смысле человеческой жизни, то совсем не ставится вопрос о цели и смысле того или иного распределения моего рабочего дня или книг в моей библиотеке. Такой вопрос мог бы ставить Великий Архитектор мира, его *primus movens*, а не мы. Здесь дело идет совсем о другом: какое направление надо дать жизни, чтобы она давала наибольшее удовлетворение человеку, наибольшую радость? Естественно, что поставленный таким образом вопрос будет иметь самые разнообразные ответы, смотря по индивидуальности и вкусам отвечающего.

Для одного – цель жизни – служение Богу, для другого – наслаждение всем, что дает жизнь, когда рассуждают, как у Гейне:

У доброй кормилицы нашей, Земли,
Для всех нас достаточно хлеба.
Есть розы и мирты, цветы и любовь
И нежный горошек душистый.
Да, нежный горошек достанется нам,
Мы даже стручочки облупим!
А царство небесное мы пастухам
И ангелам Божиим уступим.

Для одних цель жизни есть самопожертвование, героизм, для других – полный эгоизм и т. д.

Какую же цель в жизни, какое величайшее удовлетворение теперь, после достаточно долгой прожитой жизни, вижу я?

По-моему, величайшее наслаждение в жизни, её цель и радость есть творчество, строительство и создание нового. Недаром наше ограниченное человеческое сознание представляет себе Высшее Начало Мира, Бога, прежде всего как Творца, Создателя и Строителя всего сущего, и если есть в человеческой душе, действительно, божественное начало, то это – *его способность к творчеству*. Надо только достаточно широко смотреть на творчество.

Обычно под творчеством понимается только творчество художника, поэта, ученого. Но в сущности, какая разница между творчеством художника, создающего своим гением яркие образы кистью и карандашом, и творчеством швеи, кружевницы или модистки, создающих своим талантом радующие сердце образцы искусства? От величайших, общепризнанных гениев человечества, от Рафаэля, Праксителя, Леонардо, Микеланджело, по бесконечным ступеням через средневековых резчиков, через наших безымянных крепостных художников, через Палех и Мстеру, через тех никому не известных художников, которые украсили резьбою коньки на избах в отдаленных селах, мы незаметно придем к тем, как их презрительно называют мастеровым – портным, сапожникам, плотникам, слесарям и столярам, которые и в порученное им дело вносят искры Божественного творческого начала. Творчество есть везде творчество, точно так же как и шаблон, фабрика – есть везде шаблон, будут ли это рубашки для солдат, которые шьют на фабриках с одной мыслью скорее и больше, или шаблонные портреты розовых дам у Маковского.

Бесконечно разнообразные пути, по которым течет творчество человека, бесконечно разнообразна величина дарованного таланта. Творчество – это великие поэмы, теории,

глубокие мысли – это Гомер и Пушкин, Архимед и Лобачевский, Ньютон и Птолемей, Риман и Эйнштейн, Аристотель и Кант. Но творцы – и великие организаторы: творчество – это дело Александра Македонского и Цезаря, Петра Великого и Ленина, Наполеона и Карно. Творец и тот, кто вырастил два зерна там, где раньше росло одно, и тот, кто красиво, ярко, честно и радостно сумел создать свою личную жизнь, и умирая, спокойно с полным сознанием исполненного долга перед своею совестью перед человечеством, может сказать: мое дело сделано.

Искусство создать жизнь есть такое же искусство, как всякое другое. Вспомним предсмертные слова Дж. Ст. Милля (примеч. Д.: речь идёт об английском мыслителе и экономисте Джоне Стюарте Милле (1806-1873)):

«И война, когда она ведётся во имя общечеловеческих идеалов, есть тоже творчество, потому, что оно создаёт новые лучшие отношения, ведёт человечество к его идеалам».

Вспомним слова Ламенэ (примеч. Д.: имеется ввиду французский писатель, аббат Фелисите де Ламеннэ (1782-1854), фамилия которого в русской транскрипции иногда пишется с одной буквой «н»):

- Юный воин! Куда идёшь ты?
 - Я иду на борьбу за справедливость, за святое дело народов, за вечные права человечества, за свободу против тиранов.
 - Да будет твоё оружие благословенно, юный воин!
 - Юный воин, куда идёшь ты?
 - Я иду, чтобы уничтожить преграды, разделяющие народы и мешающие им броситься друг другу в объятия как братьям, которым суждено было жить в любовном единении друг с другом.
 - Да будет благословенно твоё оружие, юный воин!
 - Куда идёшь ты, юный воин?
 - Я иду, чтобы освободить мысль, слово и совесть от тирании людей.
 - Благословенно, семь раз благословенно да будет твоё оружие, юный воин!
- (Felicite de Lamennais “ Paroles d’un Croyant (/фр./ :Признание верующего)”, Paris, 1833).
Разве такая война не есть творчество? ...

Блажен, кто хоть изредка находил в себе творческую научную мысль, творческое яркое слово, творческий призыв, кто яркими красками сумел показать красоту мира и жизни, кто вносит в окружающее лучшее своего я. И предан проклятию тот, кто кроме шаблона, рабского следования установленным меркам и привычкам, ничего не внёс в мир, не дал ему ни радости красоты, ни радости неожиданного и яркого - он от рождения проклят Духом Святым.

И мой первый и главный завет вам, мои дети, для кого пишу всё это: не идите проторенными путями, будьте творцами, дерзайте, потому, что в мире нет слаще сознания мощи человеческого творчества, мощи неукротимой человеческой мысли, человеческого творческого слова. Не оправдывайте свое безделье тем, что вы не сторонник малых дел, а для большого, где только и можно проявить творчество, нет надлежащих условий. Неправда! При некоторых условиях человек, который посадил яблоню там, где её не было, так же велик, как Ньютон. Не всем дано быть титанами человечества, но в творчестве человечества пигмеи не менее важны, чем Титаны: огромные меловые горы, отложения, пласты почв создаются деятельностью миллиардов мелких и слабых существ. Поставленный выше вопрос о цели и смысле жизни сейчас же приводит нас к вопросам веры, к религии.

Говорят, Белинскому принадлежит крик души: «Как можно ложиться спать, когда мы не решили вопрос, есть Бог, или его нет?!» Такою страстью к решению мировых вопросов я никогда не отличался.

В дни моего детства, когда я прислуживал в церкви, выходил со свечою в стихаре или под двенадцатые праздники разносил в стихаре «благословенный хлеб», вопрос о существовании Бога решался, так сказать, аксиоматически. В существовании его не было

никаких поводов сомневаться, совершенно так же, как я не сомневался, например, в существовании царя, который жил в Петербурге, или в существовании краснокожих индейцев, которые жили в Америке. Правда, Бога я никогда не видал, но я так же не видал и царя, и индейцев. В Кремле стоял царский дворец, а около нас стоял ещё большей величины Храм Христа Спасителя, да и мой отец служил в другом маленьком храме примерно на положении такого же чиновника при церкви, как те чиновники при дворце, которых я иногда встречал в Кремле. Кроме того, о Боге было написано так же много, как и об индейцах в романах Майн-Рида, и во всяком случае гораздо больше, чем о царе Николае II, о котором ничего вообще не было известно. Таким образом, сомневаться в существовании Бога не было никаких оснований, тем более, что дома никто не старался убедить меня, что он есть, что, как известно весьма часто приводит как раз к обратным результатам, к убеждению, что его нет. Отец был человек разумный, и если иногда он говорил со мной о Боге, то единственно с целью убедить меня, что Бог совсем не такой, как изображен в куполе Храма Христа Спасителя, где Бруни изобразил его так, как будто он кричал: «Разнесу всех!» (примеч. Д.: художник Фёдор Антонович Бруни (1799-1875) с конца 1840-ых годов фактически стал признанным «главой русского академизма» в живописи).

Для отца Бог был любовь, справедливость, милосердие, всеведение. Во всем этом он был, несомненно, лучше царей, о которых иногда приходилось слышать вещи не очень хорошие. Как же было не верить в такого любящего, справедливого и хорошего Бога?

Неверие или точнее сомнение в существовании Бога, потому что, кажется, я никогда не был убежден, что его нет, пришло позднее. Юности свойственно ниспровергать авторитеты, и плох тот, кто их никогда не ниспровергал. А Бог есть абсолютный авторитет - естественно, что он прежде всего и поддается ниспровержению. Мне кажется, поэтому надо это пережить: не может быть человек религиозный или просто мыслящий, создающий себе какое ни есть мировоззрение, который не пережил бы в своей жизни такой период. Из него выходят по-разному: одни с теплою верою, другие – без веры, третьи - чаще всего с полным безразличием к сути дела и рабским шаблоном, налагаемым окружающею обстановкою.

Я очень хорошо вспоминаю летний вечер в городском саду в Кашире, где я гостил у своего гимназического товарища Смирнова. Я до хрипоты спорил с семинаристами, знакомыми Яши, и доказывал, что Бога нет, а они, так сказать, по долгу службы – семинария ведь была духовная – доказывали, что он есть. Горячности и упорства было много, но аргументов не хватало. Впрочем, и сам спор носил совсем не такой характер, как тот, в котором участвовал Белинский. Насколько помню, для меня это представляло прелесть, как укрепление, так сказать, в прикладной логике. Меня интересовала не столько суть дела, сколько сама техника спора. Должно быть, и у моих противников настроения были те же, так что, в сущности, не насилуя особенно своей совести, мы могли поменяться ролями. Как бы то ни было, но в момент поступления в Университет я считал себя материалистом.

По существу это значило только то, что я стал критически относиться к различным утверждениям. Конечно, все, так называемые доказательства существования Божия, ровно ничего не доказывали, а их отличие доказывало только несостоятельность каждого из них, взятого в отдельности. Смешно было бы доказывать правильность математической теоремы ссылкой на то, что существует 50 ее доказательств - достаточно одного, но совершенно убедительного.

Я помню, когда Лузин и я собирались в конце 1905 года ехать за границу, то мы зашли перед отъездом к Егорову. В разговоре Лузин попросил у Егорова указаний, что читать по философии. Я тоже попросил таких указаний и по наивности предупредил Егорова, что я материалист. Не помню, что мне указал Егоров, кажется, ничего не указал, но помню, что он поморщился. Как я узнал много позднее, Егоров не только был свободомыслящим, разносторонним человеком, как я себе представлял профессоров, а человеком верующим,

что было неплохо, и сверх того, до известной степени сектантом, что уже было много хуже.

Я вспоминаю вечера, когда мы с Лузиным жили в Париже. Когда к нам в пансион переселился мой товарищ по гимназии, Всеволод Вячеславович Елагин, то почти каждый вечер происходило одно и то же. Часов в 10, когда мы с Лузиным кончали пить вечерний чай, являлся Елагин и начинался бесконечный спор на религиозные темы. Лузин доказывал существование Бога, бессмертие души и т. д., а Елагин доказывал, что нет ни Бога, ни души. Я обычно не вмешивался в спор, только от времени до времени иронизировал и подливал масла в огонь, когда спор начинал затихать. Бесплезность таких споров в то время была для меня индивидуально совершенно ясна. В 12 часов я аккуратно ложился спать с ироническим приглашением моим спорщикам продолжать спорить и рассказать мне на другой день до чего они доспорились. Тогда они оба начинали меня дружно ругать, упрекали меня, что я беспринципный человек, раз ложусь спать, когда не решены такие вопросы - совсем как Белинский. После этого, обычно в раздражении на меня, в особенности на то, что я ничего им не отвечал, а только смеялся, лежа в кровати под одеялом, они расходились.

Любопытна судьба Елагина. После увлечения марксизмом и атеизмом он впал, под влиянием чтения произведений Булгакова, Бердяева «сменовеховцев», в религиозный мистицизм. Переход этот ему самому показался изменою, всё это его страшно мучило. Мистика его заедала всё более и более. В 1911 году, совершенно истерзанный душевно, он часто заходил к моему отцу, беседовал на религиозные темы, каялся, исповедывался, причащался, непрерывно молился. Отец мой, человек морально и психически очень твердый и здоровый, чрезвычайно далекий от всякой нездоровой мистики, всячески пытался разбить у него такие настроения и, судя по всему, приложил в этом направлении много усилий, но успеха никакого не имел. Летом 1911-го года Елагин умер от состояния какого-то психического истощения в чрезвычайно подавленном настроении.

С идеями «Критики Чистого Разума» Канта в те времена я был знаком по «Введению в философию» Челпанова (примеч. Д.: российский психолог и философ, профессор Московского университета Георгий Иванович Челпанов (1862-1936) основал в 1912 году при Университете *Московский психологический институт*, возглавляя его до 1923 года - отстранение Челпанова от руководства Институтом произошло по инициативе ряда его же учеников, выступивших «за перестройку психологии на основе марксизма»).

Вероятно, из чтения и размышления над ними у меня и утвердилась всё более мысль о том, что ни доказать существование Божие, ни его несуществование, невозможно. Впрочем, с «Критикою практического разума» и идеями о «категорическом императиве» я знаком не был, и вопросами этими никогда не интересовался - меня интересовала только теория познания, как область, близкая к моей специальности. Эти идеи уже много позднее, после революции, когда большевики одно время кокетничали с церковью, когда устраивались религиозные диспуты между протоиереем Введенским и Луначарским, сказались у меня как-то в шутке, сказанной кому-то из знакомых: «Я согласился бы выступить на таком диспуте, но только при одном условии: один раз я буду выступать с доказательством того, что нет Бога, а другой раз, что Он есть».

Какой-то сдвиг в моих религиозных представлениях произвело одно, совершенно пустяковое само по себе, обстоятельство. Один раз, это было, вероятно, году в 21-ом или в 22-ом, в «Саратовских известиях», где по случаю отделения церкви от государства и признания свободы вероисповеданий велось систематическое глумление над православием, была по какому-то поводу напечатана заметка, в которой автор издевался над попами, их облачениями и доказывал, что они ничего с христианством не имеют и перешли к нам из Вавилона.

Само по себе в этом ничего принципиально нового для меня не было. Я ещё ранее читал Делича «Библия и Вавилон» и кое-что ещё, и заимствование христианского культа и христианской философии были мне в достаточной степени известны (примеч. Д.:

немецкий археолог и языковед (специалист по семитским языкам и ассириологии) Фридрих Делич (1850-1922) первым провёл сопоставление текстов Ветхого Завета и ассиро-вавилонской мифологии, придя после этого к выводу, что составители Библии в значительной степени заимствовали вавилонские мифы и предания). Но эта заметка заставила меня задуматься над вопросами: плохо или хорошо, что наша религия, даже её обрядная сторона, есть переработка каких-то более ранних культов Вавилонских, Ассирийских, Египетских, а может быть, ещё более ранних. Укрепляет ли это нашу религию или наоборот, её подрывает? А вместе с тем вставал и другой вопрос: а что такое вообще религия?

Ортодоксальная точка зрения, например, точка зрения катехизиса такова: религия, как показывает самое её название (*religare* /лат./ – связывать, соединять вновь) есть завет, или союз между Богом и свободно-разумною тварью, в частности между Богом и людьми, установленный по неизреченной милости Божией, во славу Божию и в блаженство человекам.

Ясное дело, что такое определение человека, который сомневается, есть ли Бог, не удовлетворяет. А между тем религия есть факт, и этот факт нельзя отвергать глупыми аргументами, что религия и вера есть что-то вроде агитпункта, и в общем религия есть опиум для народа. Если вспомнить, что христианство возникло при ужасных гонениях, то какой же здесь агитпункт власти предрержащей. Правда, после государство, несомненно, использовало веру и церковь для своих целей, но ведь оно так же использовало, или пытается использовать, и ученых, и науку. Но, слава Богу, кроме официальной науки есть настоящая свободная наука, которая существует не для укрепления буржуазной, царской, советской или иной власти, а для познания мира, познания человеческих отношений. С другой стороны религия столь многим давала утешение, что, если это и опиум, то совсем неплохой – он дает утешение и в счастье, и в горе! Во всяком случае этот опиум не уступит некоторым социалистическим учениям!

Итак, что же такое религия?

Размышляя на эту тему, я набрел на ответ, может быть не новый, хотя я его ни от кого не слышал и нигде не читал. Насколько помню, такого ответа, может быть и не убедительного и неверного для других, но лучшего для себя, я найти не мог, а потому держусь его до сих пор. Вот в чем он состоит.

Да, религия есть союз, единение между нами, живущими теперь, и нашими предками, с сотнями тысяч поколений людей, с их верованиями, упованиями, с их философией, с их достижениями, с их ошибками, с их победами и поражениями. Союз со всей нашей культурной историей, самой отдаленной, уходящей вглубь таких времен, когда не было ни науки, ни философии, ни книг, и от которых остались только слабые воспоминания, много раз переделывавшиеся, подправлявшие и подделывавшиеся под влиянием запросов и духа времени.

Таким образом, религия есть милое воспоминание детства. Часто, «а ля Шатобриан», с религией связывают детские воспоминания о вере матери, склонившейся к колыбели, воспоминания о сельском колоколе, мирно звучащем в тишине летнего вечера. Всё это в той или иной мере было, конечно, и у меня, и несомненно оставило свой след в душе. Но не об этом я здесь говорю. *Религия есть милое воспоминание детства человечества*, его детских, наивных, а иногда и интуитивно верных попыток создать себе знание окружающего мира, когда не было науки, создать себе историю, когда её не было, а была ещё только биология. А, если так, то очень хорошо, что священники носят при богослужении вавилонские и ассирийские одежды, во всяком случае, лучше, чем если бы они ходили в современных сюртуках и фраках. Если так, то нечего стыдиться куч всяких несообразностей в Библии, не смеяться, что кит проглотил Иону, не опровергать, ссылаясь на закон всемирного тяготения, что Иисус Навин остановил солнце. Если бы сражение при Маренго произошло не 150 лет, а 2500 лет назад, то оно было бы, несомненно, описано так же.

Важно не это, важно совсем другое. Важно то, что на место пассивно блаженствующих богов Эллады и Рима, которые, кажется, кроме достаточного числа детей от различных смертных красавиц, ровно ничего не сотворили, явился другой Бог, Бог – творец, Бог – Архитектор и Вседержитель вселенной. А это было не малое приобретение. Ведь, может быть, сюда ведут корни тех идей, которые волнуют современную науку, науку Ньютона, современных физиков и математиков, Эйнштейна и Пуанкаре. Это были, во всяком случае, существенные приобретения человечества.

С этой точки зрения Библия есть важнейшая и интереснейшая книга, которая во всяком случае не заслуживает легкомысленного глумления, наоборот, надо её тщательно изучить и продумать.

С такой точки зрения не слишком большую цену, не с точки зрения филологии, а с точки зрения создания своего мировоззрения, представляет немецкая богословская критика. В конце концов для не специалиста – историка знать, что из Пятикнижия Моисея первую книгу было Второзаконие, а последнюю было написано бытие, столь же мало интересно, как для не собирателя фольклора доискиваться, от кого он впервые услышал о Кошее Бессмертном - от няньки Марьи из Воронежской губернии, или от тетки Дарьи из Костромской.

На это можно сказать: всё это так, но не это религия. Что вы скажете о бессмертии души, о воскресении Христа, о бытии Божиим? Ведь отношение именно к этому вопросу определяет религию, как она понимается обычно.

Итак, смертна или бессмертна человеческая душа? Иначе: умирает ли человек весь как индивидуум, или остается нечто после смерти, как индивидуальное сознание?

Бесконечно много раз отмечалась полная неудача всех попыток описать вечное блаженство. Начиная с Тома Сойера и Марка Твена и кончая ядовитую пародию у Монтескье в его «Персидских письмах», где описывается как для блаженства праведной мусульманки нужно два очень красивых и совершенно неутомимых юноши, все эти представления райского блаженства выходили глупы, скучны и бесконечно пошлы.

Вот вам одно из описанийрая Шатобрианом («Мученики») - человека, несомненно, умного, поэта, блестящего стилиста:

«В центре современных миров, среди бесчисленных звезд, выполняющих назначение рвов, аллей и дорог, плавает город бесконечного Бога. Ни один смертный не в состоянии рассказать о чудесах этого города. Сам предвечный положил ему двенадцать фундаментов и опоясал его стеною из яшмы. Облеченный славой всевышнего, Иерусалим разукрашен, как невеста для жениха. Богатство материала соперничает тут с совершенством форм. Там висят в воздухе бесчисленные галереи, которым лишь слабо подражала человеческая изобретательность в образе Вавилонских висячих садов. Дальше возвышаются триумфальные арки, образованные из самых ярких звезд, а ещё далее переплетаются галереи солнц, без конца уходящих в мировую твердь».

А вот что происходит в том городе:

«Там собрался и теснится хор херувимов, ангелов и архангелов, престолов и княжеств. Одни из них охраняют 20 000 боевых колесниц Цебаота и Элогима (примеч. Д.: в иудаизме, согласно ветхозаветной библейской традиции, всемогущество Существа Божьего отмечается наречением Его различными Именами: имя *Цебаот* используется, когда подчёркивается несокрушимая сила Его «небесного воинства», а имя *Элогим* применяется, когда указывается, что Он «является предметом страха и почтения»), другие стерегут колчан со стрелами Господа Бога, победоносные его молнии и страшных его коней, приносящих с собой мор, войну, голод и смерть. Миллион усердных гениев следит за правильным течением планет, сменяя друг друга в исполнении этих высоких обязанностей часовых над многочисленной армией».

И вот в заключение драматический момент в этом небесном граде:

«Когда судьбы церкви были сообщены избранному, по одному слову Всемогущего песнопения замолкли, и деятельность ангелов прекратилась. В течение полчаса длилось

безмолвие на небе. Все небожители опустили свои очи на землю. Мария уронила с высоты небесной твердый взгляд первой любви на немую жертву, порученную её милосердию. Пальмовые ветви исповедующих вновь зазеленели в их руках. Огненная рать раскрыла свои славные ряды, чтобы очистить место новым мученикам. Победитель старого Змия Михаил замахнулся своим острым копьем, а его бессмертные спутники облачились в блестящие панцири и взяли алмазные и золотые щиты. Колчан Господень и огненные мечи извлекались из вечных сводчатых галерей, колесница Эммануила задрожала на своей оси огней и молний, а херувимы простерли вперед свои крылья. В их очах вспыхивает ярость».

И вот, наконец, в чем состоит блаженство:

«Величайшее благо избранных заключается в сознании, что их благо безгранично, что они постоянно находятся в том дивном состоянии, в каком находится тот, кто совершил столь же добродетельный, сколь и доблестный поступок, или же выдающийся гений, постигший великую мысль, или же человек, охваченный восторгом искренней дружбы или законной любви, которые долго подвергались испытанию. Красота и всемогущество Всевышнего служат постоянным предметом их бесед. «О Господи! Как ты велик» - твердят они».

Простим автору, что мир, устроенный всемогущим Богом, оказался столь плох, что его как разболтанную телегу, непрерывно приходится подпирать ангелам, чтобы он окончательно не развалился и не застрял на месте. Виноват в том, конечно, не Господь Бог, а автор, который очень туманно представлял себе естественные науки, а об инженерных вообще не имел никаких представлений. Ведь приходил же Шатобриан в ужас, когда он – малыш, на вопрос учителю: «Что такое человек?» услышал: «Млекопитающее». Ведь его единомышленник, Жозеф де Местр (примеч. Д.: речь идёт о французском публицисте, графе Жозеф Мари де Местре (1753-1821)) надеялся, что найдутся ещё «честные ученые» (через 150 лет после Ньютона!), которые «докажут», что приливы происходят не от притяжения луны, а непосредственно от Бога, что вода, как элемент, не может разлагаться на кислород и водород, а птицы являются живым опровержением закона тяготения - впрочем, по Местру «птица вообще более других животных сверхъестественна, и это проявляется уже в том, что голубь удостоился великой чести воплощения Святого Духа».

Это ещё полгоря. От литератора-поэта трудно требовать знания механики. Но как убога человеческая мысль в изображении святого града! Все, что написано у Шатобриана, напоминает скорее какую-то выставочную эспланаду, чем место вечного блаженства. Недаром Георг Брандес остроумно сравнил все это великолепии с вокзалом «Тиволи» при вечернем освещении (Г. Брандес «Литература XIX-го века о её главных течениях. Французская литература». Санкт-Петербург, 1895, стр.312).

Анатолию Франсу почти ничего не надо было менять, чтобы получить в «Восстании ангелов» злейшую карикатуру на все это.

А райское блаженство! Без конца восхвалять Господа – ведь в конце концов и господу Богу, и всем праведникам, если они не заводные автоматы, очень быстро наскучит это славословие. За примерами не ходить. В свое время не так уж долго все только и делали во Франции, что кричали: «Да здравствует Наполеон!» и от этого толку получилось немного. В современной Германии немецкие праведники едва ли охвачены большим восторгом от постоянных криков «Хайль Гитлер!»... В конце концов был прав Том Сойер, который находил, что нестерпимо скучно жить в раю, где только играют на арфе и поют. Все это показывает, что, как говорят французы: «la question est mal posée» (примеч. Д.: «вопрос плохо поставлен»).

Итак, вопрос плохо поставлен. Получается гнилой ответ, когда мы ставим вопрос о вечном блаженстве. Мы сами не знаем, что хотим. Повторяется то же, что мы выше говорили по поводу идей Больцмана.

Попробуем теперь поставить вопрос по-другому, так, чтобы можно было получить хоть сколько-нибудь удовлетворительный ответ. Потому что ведь нельзя же всерьез относиться

к вздору, хотя и поэтическому. Мало того, когда детский лепет слышишь от ребенка, то он интересен, заслуживает внимания, а иногда и серьезного изучения и доставляет радость непосредственности мысли и чувства. Но когда под ребенка начинают лепетать взрослые дяди и тети, то ничего, кроме пошлости не испытываешь от этого сюсюканья, как при чтении романов Чарской и Лукашевич (примеч. Д.: здесь упоминаются русские беллетристки конца XIX – начала XX столетия - Лидия Алексеевна Чарская (1875-1937) и Клавдия Владимировна Лукашевич (1859-1931) - писавшие назидательную прозу для детей и юношества). Что было убедительно, умно, величественно и хорошо на заре культурной жизни человечества, скучно в XIX-ом и XX-ом веках.

Как известно, в конце своего «Фауста» Гёте устраивает своего героя после всяких совершенных им безумств на постоянную работу у Всевышнего: учить уму-разуму недоношенных умерших младенцев. Мотив этого назначения тот, что у младенцев, родившихся прямо мертвыми, естественно, недостаточно житейского опыта, а у Фауста после всяких его похождениях этого опыта более чем достаточно. По этому заключению можно прямо сказать, что сам Гёте никогда никого не обучал. Дело в том, что всякое длительное повторение одного и того же вырабатывает известный трафарет, нести который не доставляет никакой радости. Нам нельзя требовать, чтобы самый искренний и верующий Священник 365 раз в году испытывал на себе благодать религиозного вдохновения, а самый пламенный актер в бесконечно повторяемое исполнение одних и тех же ролей вкладывал всякий раз огонь искреннего чувства, так нельзя требовать, чтобы педагог, самым искренним образом любящий свое дело, изо дня в день вкладывал всю свою душу в дело. И представьте теперь перспективу «райского блаженства» в таком роде, лишенную даже надежды на выход в отставку с пенсией!

Я очень люблю читать лекции, люблю заниматься, по мере моих сил, творческою, научною работою. Но должен сказать совершенно откровенно, что 10 месяцев в году мечтаю о 2 месяцах летних каникул, когда я могу не читать лекций, не делать докладов, не заседать в заседаниях, а копаться с лопатою на моем участке в «Отдыхе» или пилить и строгать там же всякие домашние поделки. Если бы мне предложили в качестве награды за не совсем праведную жизнь бесконечное чтение лекций и бесконечное участие в научных конференциях в Эдеме - каюсь, несмотря на то, что наука и преподавание есть главное содержание, цель и смысл моей жизни, я бы с ужасом отказался от этой перспективы.

Итак, «la question est mal poses».

Мечтая о бесконечном райском блаженстве, о бесконечной жизни, мы мечтаем о какой-то жизни совершенно иного типа, чем та, которую мы ведем здесь, так как даже за не очень большую продолжительность нашей земной жизни мы часто не знаем, что с нею делать и в конце концов испытываем скуку, утомление и, порой, отвращение, непрерывно усиливающееся по мере того, как падают иллюзии и надежды юности, и душа все более наматывает на себя клубок воспоминаний об утраченных надеждах, полученных разочарованиях, незаслуженных обидах, горьких воспоминаний о собственных ошибках и провалах. Мы мечтаем о таком перерождении, когда все это смывается с нашей души, как следы тяжелой и грязной дороги, по которой мы долго шли, и мы окажемся омытые, свободные от горестных воспоминаний, от горьких утрат, у ворот новой жизни, жизни Эдема!

Всё это очень хорошо, но вся беда в том, что если с меня смыть все воспоминания, горести и утраты жизни, то это буду не я, не тот человек, который создан за почти 60 лет жизни. Если бы с меня смыть все эти годы, все, что с ними связано, и такого обновленного человека представить мне моего сегодняшнего дня, то я, конечно, не узнал бы своего двойника и, весьма вероятно, мы оба вместе почувствовали бы разочарование от такого знакомства.

Но биологическое видовое бессмертие и достигается мудрою природою именно таким образом. В самих себе мы имеем самое реальное продолжение жизни, чувств, мыслей

наших предков, разлука с которыми, несмотря на то, что прошло уже 24 года, все ещё представляет кровоточащую рану в душе; а в наших детях мы видим не только наших продолжателей, но, в буквальном смысле слова, часть самих себя, которые продолжают нашу собственную жизнь. И так, действительно, получается полное очищение, по крайней мере с душевной точки зрения, от всего мусора, который пристаёт к нам в жизни. Я не имею никаких горестных воспоминаний, связанных с перипетиями жизни моего отца. Свободный от них, свободный от всех связывавших его душевных пут и обязательств, вступил я в жизнь.

Много лет тому назад, в Саратове, я слышал доклад моего товарища биолога. Он рассказывал о современных биологических взглядах на сущность и вечность жизни. Суть сводилась к следующему.

Все, конечно, видели, как усами размножается клубника. От материнского растения вырастает отросток, ус, на котором в узелках развиваются новые растения. Что эти новые растения и материнское растение одно и то же растение, или, точнее, части одного и того же растения? Да, до известного момента, до окончательного отделения отдельных отводков это одно растение, а затем они превращаются в отдельные индивидуумы. Бесконечно продолжается не жизнь одного индивидуума, а жизнь тех творящих клеток, которые последовательно создают все новые и новые усы, продолжающие жизнь в ограниченной жизни отдельных индивидуумов. Так вся суть дела состояла в том, что это элементарное ботаническое наблюдение переносилось на всю живую природу. Вечна жизнь не отдельного индивидуума, не отдельного клубенька растения, а тех творящих клеток, на цепи которых как наросты вырастают временно отдельные индивидуумы. И каждый человек – это тоже отдельный клубенок, выросший на непрерывно живущей нити творящих клеток и образующих все вместе единый живой индивидуум, способный к беспредельной жизни.

Таким образом, биологически можно представить себе в материальном смысле бесконечную последовательность жизни. Тогда каждый отдельный индивидуум, например, отдельный человек, есть только временная остановка в непрерывном процессе жизни основных его производящих клеток.

Мне эта идея чрезвычайно понравилась. Моя индивидуальная, биологическая гордость ничуть не страдает от того, что я вместо самодовлеющего «Я» являюсь только временно пышно развивающимся наростом на беспредельной в оба конца нити производящих творческих клеток. Из других источников я имею основание придерживаться взглядов английского естествоиспытателя – статистика Дальтона, (примеч. Д.: речь идёт о законе «кратных отношений при смешивании», установленных английским химиком и физиком Джоном Дальтоном (1766-1844)), согласно которым моя «индивидуальная единица» состоит из следующих элементов:

по $1/4$ от отца и матери (два раза по $1/4$ даёт $1/2$), плюс по $1/16$ от каждого из моих четырёх дедов и бабок ($1/2$ плюс четыре раза по $1/16$ даёт $3/4$), плюс по $1/64$ от каждого из моих восьми прадедов и прабабок ($3/4$ плюс восемь раз по $1/64$ даёт уже $7/8$) плюс т.д.

И точно так же:

в моих детях есть по $1/4$ моей индивидуальности, в моих внуках по $1/16$ моей индивидуальности, в моих правнуках будет по $1/64$ моей индивидуальности и т. д.

И при этом у всех у них совершенно отсутствуют все те пути личных воспоминаний, забот, огорчений, неприятных личных отношений, которые успел накопить я за годы своей жизни.

Вот что такое для меня биологическое бессмертие.

Совершенно такое же положение и с моими мыслями, чувствами, с моими творческими идеями. Прежде всего назвать их «моими» можно только очень и очень условно. Все это только перерождение и переработка в моем сознании огромного количества данного мне материала моими современниками и, в ещё большей степени,

моими предками. И конечно, все, что мною здесь добавлено, будет жить так или иначе в сознании всех людей, с которыми я соприкасался, в сознании моих детей, моей семьи, моих учеников, друзей, врагов. Все так или иначе остается, начиная от моих научных результатов и кончая шутками и анекдотами, которые я рассказывал.

Может быть, это будет сохранено, так сказать, диалектически. Коля по своей молчаливости вспомнит, что его отец был болтун, а Оля, ослепленная талантами, скажет, что отец был не Бог вещь какой мастер в области математики. Что из того? В этом и состоит жизнь. Было бы очень печально, если бы Коля, Оля, Андрюша, Таня смотрели на всё, как я; не было бы ни жизни, ни прогресса. А кроме того, это и физически невероятно, так как в Коле и Оле только по 1/4 индивидуальности от меня, а там ещё по 1/4 от мамы, которая со мной в 0,9 вопросов не согласна, что совершенно естественно, а ещё по 1/2 от всех наших бесконечных предков, начиная от Волжских разбойников и Византийских проходимцев, и кончая всякими Голубевскими дьячками и попами и Перешивкинскими купцами, веселыми прожигателями жизни. Факт в том, что всякая брошенная в мир мысль с чем-то резонирует и находит тот или иной отзвук.

Значит, и с этой стороны человеческая мысль, чувство, воля бессмертны. И все это не то, скажете вы. Этого бессмертия твоя душа не будет ощущать. Для тебя лично наступит смерть, ты не будешь ничего ощущать.

Лет 30 назад я едва ли что-нибудь мог бы ответить на это. Но теперь я буду отстаивать и свое личное индивидуальное бессмертие.

Несколько лет тому назад мне попался случайно в каком-то журнале перевод одного американского рассказа. Вот его краткое содержание.

Во время междоусобной войны в Америке некий гражданин, назовем его условно хоть Кларк, был захвачен одною из воюющих сторон, обвинен в шпионстве и приговорен к повешению. Повесить его постановили на середине моста над рекой, разделяющей воюющие стороны. Но когда на него надели петлю и толкнули с моста в воду, то с Кларком случилось следующее: веревка оборвалась и Кларк упал в воду. Кое-как с большим трудом, под выстрелами с берега, полузахлебнувшийся и израненный он добрался до берега и попал к одной милой и доброй женщине. Она его спасла, выходила его, а когда он поправился, то они поженились и стали счастливо жить. Так рассказал Кларк, но чем дальше рассказывал, тем все больше появлялось каких-то туманных пятен в его воспоминаниях; как будто клочьями наползал туман, в котором в конце концов и потонул весь рассказ Кларка...

А на самом деле случилось следующее. Веревка не оборвалась, и Кларк был удушен и похоронен. А все, что он переживал, как ему казалось, в течение лет, это все мелькнуло в его сознании за те короткие мгновения, которые длились с момента его повешения до момента окончательного удушения и смерти.

Рассказ этот заставил меня серьезно задуматься. В самом деле, почему мы собственно думаем, что индивидуум умирает? Ведь окружающие не авторитетны в этом вопросе. Для нас важно здесь индивидуальное ощущение смерти самого умершего. Но, очевидно, никто, нигде и никогда не мог констатировать своей собственной смерти. Это было бы возможно сделать только в том случае, если бы умерший сам себя несколько пережил, чтобы засвидетельствовать, так, сказать, акт собственной смерти. Но бессмысленность этого очевидна.

Но ведь повешенный Кларк если и жил, то только секунды!

Секунды! А по каким часам? Ведь Кларку показалось, что шли годы после приключения на мосту, и за эти годы Кларк испытал и страх погони, и болезнь, и счастье любви, и многое другое. А ведь для суждения о его бессмертии Кларк лучший судья, чем те, кто его вешал, и естественно, его переживаний не знали.

Когда я прочел рассказ о Кларке, я невольно сопоставил это с идеями теории относительности. В самом деле, по каким часам текут последние минуты умирающего? Не подлежит никакому сомнению, что индивидуально ощущение времени самым тесным

образом связано с физиологическими процессами. Вспомним, хотя бы, о своеобразном чувстве «потери времени», которое иногда бывает после резкого перерыва глубокого сна, когда совершенно теряешь всякое представление о времени и месте.

Итак, весьма вероятно, что умирающий живет по своим собственным относительным часам. Время, показываемое ими, определяется затухающим ходом физиологических процессов, а тогда не надо быть большим математиком, чтобы представить возможность такого хода часов, что с точки зрения умирающего время будет течь бесконечно, хотя для окружающих соответствующий временной интервал будет иметь очень малый размер.

Отец не раз мне говорил, что у умерших по большей части бывает довольное, удовлетворительное и даже веселое выражение лица. Мне не пришлось видеть мою мать умершею, но отца я видел, и я никогда не забуду выражения его лица. Он умер после тяжелых огорчений, больной, расстроенный, потеряв те гроши, которые он всю жизнь копил «на черный день», пережив тяжелые сомнения, унижения и оскорбления. И вот на его лице, как это можно видеть на его фотографии, в краях губ пряталась милая и довольная улыбка. Она очень редко бывала у него в жизни. Бывала только тогда, когда он радовался, что удивил своим каким-нибудь умным и милым поступком, когда он радовался, что сделал что-то очень хорошее, и это доставляло ему глубокое нравственное удовлетворение, узнал что-то исключительно хорошее, радостное, веселое и доброе. У него было как будто такое выражение: «Так вот что такое! Это хорошее и достойное дело!».

Мне кажется, что из всего предыдущего можно сделать следующий вывод. Весьма вероятно, что процесс, который мы называем смертью, индивидуально воспринимается, как чрезвычайно приятный процесс медленного продолжающегося бесконечно ряда переживаний. Может быть, тут проходят картины высших моментов счастья, радостей, высших порывов на фоне отхода мелких пошлостей, когда-то отравлявших жизнь. А это ведь и есть бесконечное блаженство, жизнь бесконечная.

На это можно возразить, что вся эта «бесконечная жизнь» есть просто иллюзия. Пожалуй! Но тогда назовем иллюзией и то физическое время, которое по данным современной науки течет, например, на Солнце.

В итоге получаем следующее. Все наши современные мыслительные способности, выработанные в применении к вещам, не имеющим ничего общего с теми вопросами, о которых мы здесь говорим, не могут дать вполне разумного ответа, ибо они не приспособлены к их решению, так как биологически выросли на почве совсем иных потребностей. Может быть только в последние десятилетия своего существования, когда человечество начало разрабатывать вопросы религии, морали и науки, наши мыслительные способности делают первые жалкие попытки освоить этот более широкий круг вопросов, для которого, как правильно указывает Больцман, наш старый мыслительный аппарат совершенно не пригоден.

Не надо удивляться, что этот процесс идет так медленно и дал такие скромные результаты. Ведь поразительно то, что даже силлогизм, разработанный греками ещё две с лишком тысячи лет назад недоступен совершенно не только гориллам, но и современным людям. Я где-то читал, что, кажется при Людовике XV, надо было обучить кое-чему по математике какого-то герцога, кажется, Жуанвиля, так как его произвели в адмиралы французского флота, а адмирал должен был кое-что знать. Пригласили давать ему уроки математики, кажется, Кондамина (примеч. Д.: Шарль Мари де ла Кондамин (1701-1774) был французским маркизом, геодезистом, участником Перуанской экспедиции по измерению дуги меридиана в Андах). Тот стал доказывать герцогу теоремы, но увы! Оказалось, что герцог ничего не понимает. Бился, бился – ничего не выходит. Наконец, выведенный из терпения Кондамин говорит: «Ваше высочество! Даю честное слово, что это так!». На что герцог ему ответил: «Так Вы бы так давно и сказали. Кто же станет сомневаться в честном слове дворянина? Никаких доказательств и не нужно!»

Кто бывал на политических митингах, те знают, что таких герцогов очень много. Мне по профессии приходится учить доказывать, и я много раз убеждался в полной неспособности очень многих, в житейском отношении совершенно нормальных людей, понять самое простое доказательство: не понимают просто, для чего оно нужно. А потому и сама попытка повторить доказательство превращается в совершенно бессмысленный набор «математикообразных» слов, без всякого смысла и содержания.

Итак, из предыдущего следует:

нет достаточных поводов отвергать индивидуальное, личное бессмертие, так же как бессмертие биологическое, материальное и психологическое, понимаемое в смысле жизни идей.

Такова моя точка зрения, если угодно, вера в бессмертие.

Я не хочу оставить это место, не сделав некоторых выводов, чтобы не быть вами понятым совершенно неправильно. Я хотел бы, чтобы из всего предыдущего вы вынесли полное уважение к чужому мнению, если оно искренне, если в нем горит огонь мысли и чувства, как бы нелепо оно вам по первоначальному ни казалось. Казенная поповщина, и казенная, установленная цензурой и скрепленная государственной печатью фактов в виде государственного учреждения с целью пресекать, вбивать установленные догмы и «не пущать», так же отвратительны, как и все иные учреждения подобного типа, под каким бы флагом они не шли. И самый ярый атеизм, если он ищет истины, желая примкнуть горячим чувством борьбы за свободу человеческой мысли и человеческой личности, также ценен, как и самая горячая, искренняя вера, ищущая Бога, истины в человеческом сердце и окружающем нас мире. Ибо уже так суждено, что в единстве противоположностей создается истина. Я пытался только показать, что даже такие, казалось бы, подъеденные молью учреждения, как церковь, могут жить, могут быть наполнены интересом и содержанием, а такие, казалось бы, безнадежные вещи, как бессмертие души, могут быть предметом научного обсуждения и исследования, и заслуживают большего, чем просто отмахнуться от них и на этом успокоиться.

В конце концов, человеческая мысль такое же выработанное миллионами поколений приспособление для одоления трудностей, как умение ходить на двух ногах, хорошо развитые руки, человеческая речь и бесконечное множество других приспособлений. И не более!

Не мудрено, что как только мы начинаем применять её к вещам, не имеющим ничего общего с тем, на чем наша мысль создалась, так сейчас же получается вздор. В качестве последнего примера вот описание Бога и дьявола («возмутителя») у Шатобриана:

«Вдали от взоров ангелов, в области пламени и света совершается Таинство Единосущной Троицы. Дух святой, постоянно витающий от Сына к Отцу и от Отца к сыну, соединяется с ними в этих непроницаемых глубинах. Огненный треугольник виднеется при входе в Святая Святых. Земные полушария останавливаются, объятые благоговением и ужасом. Осанна ангелов умолкает, огненный треугольник исчезает, оракул разверзается и проявляются три силы: Бог – Отец, поддерживаемый тронем из облаков, держит в руках компас, циркуль лежит у ног его. По правую сторону Отца сидит вооруженный молнией Бог – Сын, а по левую как столб света возвышается Святой Дух. Но вот Иегова подает сигнал, и успокоенные времена вновь начинают свое правильное течение».

То представление о Боге, как о Боге мира, творчества и любви, которое пытался внушить мне мой отец, для меня много милее и понятнее (если здесь можно применить это слово), чем вся эта пышная декорация.

А вот о дьяволе:

«Быстрее мысли проносится он по всему пространству, которое когда-нибудь да исчезнет. По ту сторону развалин хаоса он достигает пределов сфер, вечных, как создавшая их месть, проклятых, как могила и колыбель смерти, куда время не вносит порядка, и где будет существовать ещё даже тогда, когда вселенная будет унесена, как

воздвигнутый на один день шалаш. Он не держится одного какого-либо определенного пути во тьме, а естественно погружается в ад под давлением тяжести своих грехов».

А вот адепты и проповедники сатаны:

«Эти апостолы праздной науки нападают на христиан, прославляют тихую жизнь, живут у ног сильных мира сего и униженно молят о злате. Некоторые из них серьезно носятся с мыслью основать род платоновского государства, в котором все сплошь рассудительные люди будут проводить жизнь, как друзья и братья. Они глубоко задумываются над тайнами природы. Одни из них видят все в идее, другие - в материи, а некоторые пропагандируют республику, несмотря на то, что сами живут при монархическом строе. Они утверждают, будто следует ниспровергнуть все общество, чтобы создать его вновь по новому плану. Иные опять, подобно верующему, хотят учить народ нравственности... Расходясь в вопросе о добре, но будучи согласны относительно зла, преувеличивая до комизма свое значение – и считая самих себя гениями, эти софисты изобретают всевозможные причудливые системы. Гиерокл предводительствует ими, и он, действительно, достоин быть вождем такого батальона. Цинизм и мерзость наложили печать на его черты: видно, что неблагодарная рука его не годна, чтобы обнажить на войне шпагу, но она легко может водить пером атеиста или владеть топором палача».

Здесь все от окружающего мира. И ничего не могла выдумать человеческая мысль, кроме карикатуры на настроения французской революции и на Вольтера, которого терпеть не может Шатобриан.

Все, написанное выше, показывает, что наша мысль не приспособлена и к решению второго основного вопроса религии – познанию Бога. Все попытки описать неопишемое не приводят ни к чему: человек изображает только человеческое. Между тем вопрос о непознаваемости Бога в религии выражен ясно: «Бога никтоже виде нигдеже, ниже видети может ...» (примеч. Д.: здесь приведены слова Святого Иоанна Богослова).

Итак, наше познание не годится для решения религиозных вопросов. Следовательно, эта область для нас совершенно недоступна? Нет, не совсем так!

Много лет назад, в первые годы пребывания в Саратове, я как-то попал на лекцию тогдашнего Саратовского профессора философии Семена Людвиговича Франка «Об искусстве». Франк был человек очень интересный и умный, и лекция его произвела на меня сильное впечатление.

Франк доказывал, что искусство есть тоже познание, но, в отличие от науки, познание особого рода (*sui generis* /лат./: *своего рода*), а я тогда не знал определения Шеллинга: «Искусство – высшая форма ума».

Действительно, музыка, поэзия, живопись, скульптура позволяют нам глубже познать мир, его гармонию, красоту, сложность человеческой природы, красоту и низость человеческой души, т. е. познать мир с иной точки зрения, чем науки с её мерою и числом. А отсюда сейчас же следует, что, помимо научных методов, можно мир, человека и Бога познать иными, не научными методами. Искусство и религия и есть суть этих других методов познания. Следовательно, если невозможно познать Бога в определениях, словесных формулах, научных терминах, то можно чувствовать его иначе, чувством, сердцем.

Как это все далеко от тех настроений, с которыми я вступал в жизнь! Тогда всё казалось очень простым, мир, казалось, можно познать одною математическою формулою, при помощи своего рода «Weltfunktion» (примеч. Д.: /нем./ «мировой функции»). Поэтому и отвергалось, как не научное, всё, что отличалось от математики, механики и физики. Жизнь оказалась много сложнее, и мир не изобразим .

Итак, что же, в конце концов, мы можем сказать о Боге и мире?

В Библии сказано, что Бог сотворил мир в шесть дней, а на седьмой день почил от дел, когда оказалось, что «вся добра зело». Это статическое воззрение на мир, мир мыслится как неподвижный, вчера такой же как сегодня, - завтра такой же как вчера: простейшее представление устойчивости и закономерности, царящей в мире.

Наука показывает нам, что дело обстоит не так, Мир непрерывно изменяется! *Всё течет, всё меняется!*

Астрономия ставит вопросы о развитии вселенной, о происхождении, преобразовании и распаде миров, в том числе и нашей Земли, как члена солнечной системы. Геология и естественные науки говорят об эволюции Земли и жизни на ней. История - об эволюции человека, социальных отношений. Мир не статичен, мир в движении, мир не «в бытии», а «в становлении». Идея эволюции, развития – это крупнейшее завоевание мысли XIX-го столетия, от Канта, Лапласа, Гегеля, Кювье, Ламарка и до Дарвина.

Итак, мир не создан Богом в законченном виде. Он творится! А раз так, то идея Бога, как творца мира несколько не менее приемлема, чем идея силы, энергии, составляющих основу точнейшей из прикладных наук – механики. Любопытно, что с этой точки зрения злейшие материалисты и богоборцы, коммунисты, в конце концов, так же весьма верующие и религиозные люди.

По Гегелю мир есть развивающаяся идея. Большевики же повернули всё вверх ногами: саморазвивающейся в противоречиях, диалектически, идее противопоставлена саморазвивающаяся диалектически материя. И да здравствует материализм!

Увы, победа куплена дорогой ценой. Обычно, материя мыслится как инертная масса, из которой предвечною силою лепится мир, как статуя скульптором. Мы выкинули предвечную творящую силу! Да здравствует материализм! Но беда в том, что теперь сама материя стала саморазвивающейся, «самотворящей». Способность к творчеству, сила Божия, оказалась контрабандою внесенною в самый центр материализма!

Вот уж, действительно, гони природу в дверь, она войдет в окно! Прогнав творческую силу Божию вне материи, мы тут же ввели её контрабандою вместе с материей, приписав по существу инертному понятию материи творческую природу безграничного развития.

Но с такой точки зрения мы возвращаемся к мысли, с которой мы начали наши рассуждения. В человеке, как и во всем мире, горит искра творческой силы Божией. Путем бесконечных испытаний, трудностей, страданий, войн, творится мир. Какой он будет, мы не знаем, но в нашей душе заложена уверенность в том, что развивающаяся ли материя или творческая сила Божия ведет мир к высшей ступени, к чему-то лучшему, прекрасному. И в этом развитии творческие способности человека, его воля к созданию нового есть отражение основной сущности творящегося мира, в котором каждый человек, как деятель и участник творчества, как сын Божий, награжденный своим Отцом предвечною творческою силою, в меру своих способностей и сил, несет свою скромнейшую лепту в творчестве мира вместе со своим Отцом. В этом величайшая задача, назначение и радость человеческого бытия.

Этою идеею определяется теперь, когда моя жизнь, естественно, идет уже к концу, мое понимание Божества, сущность религии и смысл христианства, как приблизившего человека из твари в сына Божия, приблизившегося к предвечному Творцу, подателю творчества и жизни.

Как же с этой точки зрения относиться к религиозному учению и религии и, наконец, к христианству? Я уже говорил выше, что религия есть наш союз, связь с творчеством бесчисленного множества поколений, уходящим в глубь древнейших времен. И в этой связи, чем далее, тем более проясняется для нас, для нашего чувства, для нашей души, для нашего ограниченного ума наше положение в мире и то, что неточно и неправильно мы называем смыслом и целью жизни.

Религия греков и римлян с их беспомощными богами, над которыми висела *судьба*, которой и они были подвластны. У них боги – это усиленные люди с их ошибками, скупостями, страстями.

На смену пришел Бог евреев Яхве, творец и вседержитель вселенной. Какой громадный прогресс, сравнительно с беспорядочною ватагою Олимпа! Человечество стало преклоняться не перед идеализированными страстями, не перед силою и перунами

Зевса, а перед Творческою Силою мира. Но эта творческая сила вне человека, и человек во прахе, как преступник закона Бога, отвержен и предан страданию.

И, наконец, последняя высшая стадия религии – христианство. Человек не тварь, не наказанный преступник, человек – сын Бога–Творца и вместе с отцом своим призван творить мир!

Какая огромная дистанция от людей – пешек, которыми по капризу и произволу распоряжаются Олимпийцы, до человека – сына Божия, которого любящий Отец непонятными для нас путями ведет к великому назначению творящегося мира, мира любви и блаженства!

Вот как мне рисуется сущность того творчества человека, которое запечатлено в религии.

Кто был Христос, воскрес ли он? Что про это можно сказать? Ведь не в чудесном происхождении сына Божия, не в Светлом Его Воскресении самое чудесное в Христианстве. Самое чудесное то, что среди простых рыбаков, некультурных, далеких от умственных интересов той эпохи, явился Иисус, такой же простой человек, сын плотника, и он дал миру такое понимание религиозной идеи, понимание мира и человека, которое и до сих пор, когда прошло уже 2 000 лет со времени его жизни, ничем не заменено таким, что даже приближенно могло бы сравниться с идеями Иисуса.

Пусть и в рождении, и в смерти Его естественные законы природы играли ту же роль, как и в жизни всех людей, все равно влияние его могучей личности таково, что к ней нельзя приложить шаблонные мерки. Не удивительно, что кружок его ближайших друзей, его учеников, был так захвачен учением, обаянием личности Его, что о Его смерти в сознании их не могло быть и речи. Он не умер и не мог, и не может умереть, ибо дело Его ведёт и будет вести вперед человечество. Из его уст, уст Сына Божия, человечество впервые услышало благую весть о Боге любви и Боге Творце, дети которого, мы все, слабые, грешные, поддающиеся унынию люди с их пороками, слабостями, недостатками, мы все являемся его сыновьями, его детьми, которых он привел своею творческою силою к созданию идеального мира. Иисус не мог умереть и не умер, что бы ни случилось с его телом. Он воскрес и преображенный, как видели ученики Его после Воскресения и в Эммаусе, и на горе Фавор, живет в мире, живет в его учении, которое с окрестностей Геннисаретского озера распространилось по всему миру, как высшая для человека форма религиозного самосознания. Ведь ни в Буддизме с его нирваною, ни в Магометанстве нет ничего, подобного той бесконечно-возвышенной творческой силе, которою, в сущности, наделено Христианство, сделавшее человека творцом, и мир живет творчеством Бога.

Таково лично моё, как я его понимаю, отношение к религии и основным религиозным вопросам. Что из того, что эти идеи опошлены людьми, что из величайшей творческой идеи Христианства люди попытались сделать бюрократическое учреждение в виде официальной церкви. Мир каждый понимает в меру своих сил и способностей. Но понимание мира с другого конца, со стороны разума, идет темпами быстрыми. Несмотря на свои падения, провалы, войны, истребление друг друга, человеконенавистничество, человечество все-таки идет вперед.

Если взять только ту узкую область, в которой я могу до конца разобраться, как далеки идеи о мире, которые были лет 100 назад, и как далеко наше понимание времени, которое было лет 30 назад, от современных идей, выросших из творчества Гаусса, Больяи, Лобачевского, Минковского, Эйнштейна, современных астрономов и физиков, математиков и химиков. Насколько более изоцренной является наша способность мышления, сравнительно с тем, что было во времена Канта, можно сейчас учесть только приблизительно. Так велик сдвиг, нанесенный наукою истекшего столетия, значительная часть которого прошла перед моими глазами.

Так я представляю себе те вопросы, которые вставали ещё в годы, когда я только начинал мыслить. Итак, творчество, способность к созданию – основное в человеке, его самое ценное. Пусть же эта идея руководит вами, мои дорогие! Берегите в себе эту

творческую силу, дайте появляться ей, не смущайтесь масштабом деятельности. С известной точки зрения никакая деятельность не дает удовлетворения; никто, кажется, никогда не был доволен результатами своей деятельности. Как мучился Гаусс, какое недовольство несовершенством своего творчества, невозможностью до конца выразить творческую идею испытывали великие художники, музыканты, как Бетховен, ученые, поэты, строители общества, где почти все начинания кончались провалом.

Неудачником, в сущности, был и я. Вместо ученого пришлось много сил и времени отдать организационной работе, к которой у меня никогда не лежало сердце, но к которой были способности, может быть, больше, чем к непосредственному научному творчеству, которое меня всегда влекло. Но и в организации, в сущности, ничего не вышло: большая работа в Саратове, куда была вложена вся энергия молодости, вся вера и весь её энтузиазм, в конце концов, разрушена Каценбогенами и иже с ними, а в дальнейшем уже не было той энергии и доверия (примеч. Д.: Соломон Захарович Каценбоген (1889-1946) – партийно-политический деятель, в 1928-1932 годы был ректором Саратовского государственного университета (СГУ), организовавшим там весной 1930 года «публичные чистки» с изгнанием «политически неблагонадежных» специалистов. Жертвами этих чисток были лучшие профессора СГУ, в том числе и Владимир Васильевич Голубев – он переехал в Москву для работы в ЦАГИ, а вскоре стал работать и на Мехмате МГУ). Дальнейшая работа учебная и организационная тоже шла при постоянном противодействии конкурирующих идей и дала очень мало.

И всё-таки это не так. С нашей дорогой мамой, моей любимой, неизменной сотрудницей в жизни, мы строили семью, крепкую и верную, пытались передать вам, мои дорогие дети, и вашим детям, нашим дорогим внукам, все лучшее, что имели. Наши идеи, мои научные идеи, моральные идеи, понимание мира, понимание роли и достоинства человека как-то отразятся в вас, ваших друзьях и врагах, и будут жить в мире и тогда, когда об вас исчезнет память.

Жизнь есть великая вещь, и сотворить её не так просто. Так будьте же творцами, строителями жизни, не живите установившимися шаблонами, традициями и привычками, творите жизнь, и в этой жизни идите вперед смело и независимо. Пусть вашим девизом будет: «*Mon verre n'est pas grand, mais je bois de mon verre!*» (примеч. Д.: /фр./ «Мой стакан не велик, но я пью из своего стакана!») Пусть для каждого из вас в мире будет хоть немного, но свое, оригинальное, добытое творчеством. В этом счастье! В этом жизнь!

Канун моих именин.

В изгнании, в Свердловске, 27.VIII, 1942 г.

О СУДЬБЕ ЭВАРИСТА ГАЛУА

В судьбе Эвариста Галуа (примеч. Д.: автор транскрибирует его фамилию как *Галюа*) есть что-то напоминающее судьбу некоторых писателей-романтиков начала прошлого столетия, неудачников, не пробивших себе дорогу в жизнь, рано умерших и оцененных только много лет спустя после смерти.

У Георга Брандеса в «Литературе XIX века в её главнейших течениях. Французская литература» есть любопытная характеристика некоторых из этих забытых поэтов. Любопытный образчик их мечты мы найдем в Сонете «Две шпаги» одного из таких неудачников – Теофила Дондэ, писавшего под псевдонимом Филотэ О'Недди (примеч. Д.: речь идёт о французском поэте и критике Теофиле Донде (1811-1875)):

«Сын горных высот имел прекрасную шпагу, которой он дал зарисовать в темном углу. Однажды клинок обратился к нему со словами: «Как мне тяжело это спокойствие! О воин, если бы ты только захотел! Моя сталь так хороша!»